

Николай Хандурин

**ПЕРЕПЕЛИНЫЙ
БЛАГОВЕСТ**

*Николай
Хандурин*

ПЕРЕПЕЛИНЫЙ БЛАГОВЕСТ

Стихи, и проза

Краматорск
Издательство «Тираж-51»
2021

УДК 821.161.1(477)06-1-32

X19

Николай Хандурин

Перепелиный благовест : стихи и проза / Николай Хандурин. – Краматорск : Тираж-51, 2021. – 224 с.

«Перепелиный благовест» — книга стихов и прозы для взрослых читателей. Автор публиковал стихи и прозаические миниатюры в коллективных сборниках и в периодических изданиях. Он один из победителей во Всеукраинском песенно-поэтическом фестивале «Город дружбы приглашает» (2015 г.)

Прикоснитесь к творчеству Николая Хандурин, и вы почувствуете жизнеутверждающую силу его слова...

УДК 821.161.1(477)06-1-32

Літературно-художнє видання

Микола Хандурін

ПЕРЕПЕЛИНИЙ БЛАГОВІСТ

Вірші та проза

(Рос. мовою)

Формат 60x84/32. Ум. друк. арк. 2,1. Тираж 100 пр. Зам. 05/21.

Видавець, виготовлювач і розповсюдjuвач ТОВ «Тираж-51»

вул. О. Тихого 10/4, м. Краматорськ, 84313,

тел.: (06264) 56-0-46, 56-1-07, факс: (0626) 44-28-31

e-mail: oootirag51@gmail.com

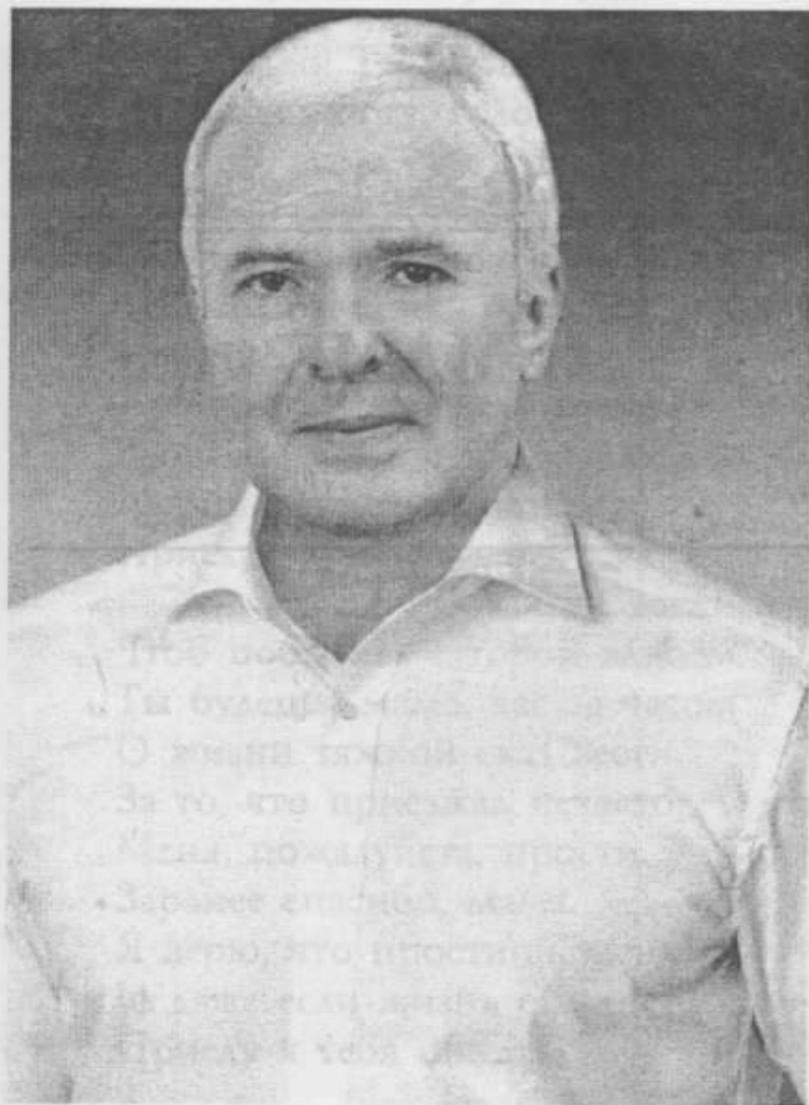
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4789 від 18.11.2014 р.

©Николай Хандурин, текст, 2021

©Издательство ООО «Тираж-51»,

оформление, изготовление, 2021

Спасибо, Мама

Спасибо, Мама

Алло, алло!

Ты слышишь, мама!

(Вот слава богу, голос бодр).

Я знаю, мама, что ты рано

Хозяйничать

пойдёшь во двор.

И в пору раннюю такую

Тебе я позвонить решил.

Конечно, мама, я тоскую,

Тоскую так, что нету сил.

Здоровье у меня в порядке.

Давно мечтаю об одном:

Приехать как бы мне

на Святки,

Чтоб побывать с тобой вдвоём.

Ты будешь, мама, час за часом

О жизни тяжкой сказ вести.

За то, что приезжал нечасто,

Меня, пожалуйста, прости.

Заранее спасибо, мама.

Я верю, что простишь меня.

И даже если жизнь обманет,

Приеду я

тебя обнять.

* * *

Степь цветастою полоской
Расстилалась далеко
И казалась в блеске росном
Материнским рушником...

Вспомнил маму...
 Вспыхнул снова
Неугасший фитилёк.
Чую сердцем: из бывшего
Что-то я понять не смог.

Резво вьётся к зорьке тропка
Чудной гладью по холсту.
Я ступаю неторопко –
Не спугнуть бы мне мечту...

С мамой рядом оказался
В свете яркого огня.
Как же я не догадался,
Что рушник был для меня...

Слово о маме

Прими, мама, слова мои, идущие от сердца...

Длинные километры долгожданного пути. Дорога к маме! Всё ближе и ближе Родина. Воспоминания о детстве. Нетерпеливое ожидание встречи с мамой.

Мама! Какое замечательное слово! Лучшее из всех слов! Оно особенно нежное, и это не случайно, потому что мама заботливая и ласковая. А ещё она самая сильная и в лихую годину способна на подвиг ради жизни и счастья детей.

Во все времена о маме слагались песни и сказки, сочинялись стихи и рассказы. В них воспевалась великая материнская любовь. И народная речь сияла и сияет неугасимым светом золотых россыпей пословиц и поговорок. «При солнышке – тепло, при матери – добро», – гласит одна из многих пословиц о маме...

Светлый образ матери, давным-давно появившийся в представлении человека, передавался и передаётся из уст в уста.

Всё это так, но как мне рассказать о маме? Что написать о ней? Писать о ком-нибудь – дело нелёгкое, но вдвойне труднее писать о маме, и я, никогда раньше не делавший этого, сомневался, что смогу найти в себе такие слова, с помощью которых

можно передать любовь к маме и в главных чертах рассказать о её жизни. Слова светлые и простые...

Я думал об этом, глядя из окна вагона в дымчатые дали знойной степи, мелькавшей в прогалинах посадок. Мои сомнения оказались напрасными: во время пути пришло решение – высказать о маме некоторые сокровенные мысли, появившиеся за годы разлуки.

Наша мама не хотела нас огорчать и всегда о своей жизни рассказывала редко и очень мало. Правда, и по скупым словам, невзначай брошенным ею, можно написать не только очерк, рассказ или повесть, но даже роман о её жизни.

Жизнь нашей мамы ничем не отличается от жизни миллионов женщин, рождённых в нелёгкие годы в разорённой гражданской войной стране. Родилась мама в 1924 году. При крещении её назвали Марией. Деревня Обеста, в которой родилась мама, приютилась в Рыльском районе Курской области. В месте, где, как говорится, один петух на три губернии поёт... Деревня и сейчас дымит печными трубами, но с каждым годом всё меньше и меньше.

Варвара Васильевна, мать нашей мамы, через несколько дней после родов постирала в проруби на речке «рубахи» и простудилась. Все думали, что обойдётся, – мало ли кто простуживался. Недолго болела Варвара и в горячке умерла, осиротив четверых детей. Мане (так звали малышку родители) тогда было девять лет. О смерти нашей бабушки мама

всегда рассказывала со слезами на глазах. Это самое большое несчастье в её нелёгкой жизни.

Маня росла маленькой и хрупкой. Когда ей было восемь лет, она узнала голод. На всю жизнь запомнились ей картины тридцать второго и тридцать третьего годов. Невозможно забыть истощённых людей, проходивших по деревне. Шли они из Боромли. Ахтырки и других мест Украины, где бросали дома, нажитое имущество, надеясь найти какую-нибудь работу даже за ломоть хлеба.

Оборванные, обессиленные, больше похожие на тени, чем на людей, они подходили к деревенским избам и просили у хозяев что-нибудь из еды. Но дать им было нечего. Некоторые умирали на глазах у деревенской детворы. В деревне все тоже голодали. Горький вкус «хлеба», испечённого из толчёной шелухи от проса (шаройки), мама запомнила на всю жизнь.

Коробов Никита Матвеевич, мамин отец, был в колхозе бригадиром тракторной бригады и работал от зари до зари. Через некоторое время после смерти Варвары он женился, надеясь, что дети будут присмотрены и ухожены. В новой семье одна за другой появились ещё три девочки: Нина, Вера, Полина. Маня, её старший брат Миша, младшие сестра Ольга и брат Иван не только из народных сказок узнали о мачехе. В трудные минуты, когда от обиды и несправедливости сжималось сердце, утешала детей бабушка Евдокия Евдокимовна, мать

отца. Она согревала внуков вниманием, ласковым словом и всегда вселяла надежду.

Минули годы, мачеха умерла, и мама плакала во время похорон, но её слёзы были скупыми, в них дочерней любви. Это слёзы обиды, потому что умершая не стала для неё и других приёмных детей матерью.

В школе мама училась четыре года: в пятый класс её не пустила мачеха и усадила за прялку. Читать, писать и считать, мол, научилась – и хватит. Так окончились мамины университеты. Помнится, что кто-то из нас, детей, спросил:

– Мама, сколько классов ты окончила?

– Четыре класса и пятый коридор, – улыбнувшись, ответила она. Но мы уловили в её голосе глубокое огорчение...

Рано начались у Мани трудовые будни в колхозе. Ей не было ещё и десяти лет, когда она узнала тяжкий крестьянский труд. Мама вспоминает, как со многими детьми она копала канавки вокруг свекловичных полей. В этих канавках и на рядках сахарной свёклы дети собирали «свинок». Так называли долгоносиков, вредных насекомых, пожиривших листья свёклы. Собранных «свинок» дети сдавали приёмщику. За свою работу каждый ребёнок получал горсть карамелек или реже – несколько копеек.

Дети ворочали и копнили сено, жали серпами жито и вязали снопы, которые складывали в

«крестцы» (по пятнадцать снопов) и в «полушки» (по тридцать снопов), а затем, когда в колосках зёрна высушались, снопы для временного хранения укладывались в скирды. В крестьянской жизни всё было продумано до мелочей, но любой труд, в основном, был ручным и тяжёлым. С одиннадцати лет Маня работала на молотилке и очень гордилась этим...

Пусть и короткое, но детство у Мани было. Славное солнечное деревенское детство! Были затейливые интересные игры. Был лес, сказочно красивый и таинственный. А на заливном лугу – высокие травы и море разнообразных цветов.

Как любой ребёнок, родившийся в деревне, она верила, что в каждом доме живёт домовая, что в лунную ночь из реки на песчаный берег выходят русалки, а папоротник в дремучем лесу расцветает только в ночь под Ивана Купала. На лугу, на речке, в лесу для неё начинался заманчивый неведомый мир, полный сказок и неразгаданных загадок...

Деревня, окружённая полями, лугами и лесом, дышала свежим воздухом, насыщенным запахами луговых и лесных цветов и трав. С детства мама была уверена в том, что нигде в мире нет такой шелковистой травы и что ни в каких других лесах не растут такие красивые цветы и такие крупные грибы. В довольно большом и ухоженном лиственном лесу на многочисленных полянах дети собирали самую вкусную ягоду – землянику.

Родная деревня – обычное, скромное и тихое раздолье чернозёмной полосы России. Два ряда побелённых известью изб, покрытых соломой. По единственной улице тянулась дорога, пыльная летом и непроходимая осенью и весной (асфальт проложили в семидесятые годы)...

С одной стороны деревни, за огородами, простираются обширные поля, с другой – течёт извилистая озорная речушка, во многих местах отороченная ивняком. Было в ней немало глубоких омутов, хранивших в себе какую-то тайну. Весной речка преображалась и, сердито ворча, несла огромные льдины бог весть куда. Нередко случалось, что полая вода подступала к огородам. На правом берегу реки недалеко друг от друга расположились два хутора: хутор Кочанов и хутор Красного Пахаря.

Сейчас о былом величии реки напоминают и следы широкого первоизданного русла, и высокие обрывистые берега в некоторых местах, и узкая лента речушки, больше похожей на ручей.

За речкой и хуторами – густой лиственный лес. В нём жители деревни испокон веков собирали грибы и ягоды, косили траву на полянах, на лесных вырубках, просеках и опушках. Из леса возили дрова и брёвна для постройки домов. В лесу, на одной из самых красивых полян, каждый год отмечалась Троица, один из любимых Маней праздников. Это место в лесу названо древним словом гульбище...

На Гульбище под гармошку звучали песни. Праздник никогда не проходил без танцев. Танцевали краковяк, польку, страдания, ойру, сербиянку, барыню и так выбивали траву, что поляна походила на ток большого колхозного двора.

В деревне было пять гармонистов. Они, соперничая друг с другом, играли мастерски. Даже не верится, что один из наиболее почитаемых христианами праздников отмечали так весело и с широким размахом. Сейчас Троица празднуется незаметно, скучно. Многие танцы и песни почему-то забыты, а если кто-нибудь случайно услышит гармонь, пусть считает, что ему очень повезло.

Уклад жизни и обычаи в деревне были украинскими. В каждой избе – обилие рушников на стенах. Ими покрывались святые образа, рамки с фотографиями. Рушники хранили память нескольких поколений. Деревенские жители употребляли в речи много украинских слов, которые произносили на свой лад... И до сих пор жители деревни свои дома называют хатами.

Очень быстро пролетели детство и отрочество. Маня стала трудолюбивой и скромной девушкой. В те времена не принято было даже говорить о любви... Но в карагоде приглянулась она деревенскому парню Хандурину Григорию.

В 1942 году Мария вышла за Григория замуж. Он был на два года старше её. Родители Григория, Иван Ефимович и Евдокия Тимофеевна, всей душой

приняли невестку. В семье жили Фёдор и Николай, братья мужа, и сестра Александра. Мария им понравилась, они уважали её и слушались. Словом, она пришлась ко двору. Новая семья была дружной, трудолюбивой; это помогло выжить в годы войны и в голодное послевоенное время...

Когда деревня была освобождена от фашистских захватчиков, Григория мобилизовали в Красную Армию. Провожая мужа на войну, Мария горько плакала...

Через некоторое время в деревню как-то долетела весть, что в сержантской школе, расположенной в лесу под Киевом, обучались мобилизованные деревенские парни и в их числе – Григорий.

Вместе с другими женщинами и девушками Мария ходила в Киев. Более четырёхсот километров прошла она по бездорожью, чтобы повидать мужа и передать ему гостинец: где-то раздобытый кусочек сала, бутылку топлёного коровьего масла и сухари. Добираясь до Киева, голодала, но к гостинцу не притронулась. Когда мама рассказала эту историю, мне захотелось изменить известную поговорку «язык до Киева доведёт» на «любовь до Киева доведёт»...

Отец Марии ушёл добровольцем на фронт, хотя по возрасту не подлежал мобилизации. Он был коммунистом и опасался, что немцы расправятся с ним. Но многие пожилые коммунисты остались в деревне, и беда прошла мимо них: оккупанты никого

не тронули. Не было среди деревенских жителей ни одного доносчика.

Вихри войны не прошли стороной наш род. Рядовой Коробов Никита на полуторке возил почту и погиб, подорвавшись на mine. Через два года пришла похоронка, извещающая о том, что Григорий погиб под Шепетовкой. Никто в семье не поверил в это. Все надеялись, что он жив, – молились Богу и ждали. Даже девочку, родившуюся в мае сорок четвёртого, назвали Надеждой. На радостях Николай, брат Григория, посадил у хаты тополёк. Вырос высокий тополь... Всё изменилось в деревне, но по-прежнему стоит, как маяк, тополь Надежды...

Не напрасно надеялись родные Григория на его возвращение. Летом 1945 года пришла от него весточка. В письме Григорий рассказал о своих злоключениях: о плене, о концлагере, о работе на немецких полях...

Григорий был грамотным, обладал красивым почерком, поэтому после освобождения его оставили «дослуживать» писарем в штабе советских войск в Берлине.

Вернулся Григорий к родному очагу в 1947 году, хотя в «Книге памяти», которая хранится в музее города Рыльска, что в Курской области, он записан как погибший.

Лихая участь не минула и Михаила, старшего брата матери. В начале войны Миша ушёл в партизаны, а во время освобождения деревни в 1943

году был мобилизован на фронт. Он тоже попал в плен. Ему удалось убежать из фашистской неволи и вернуться к своим. По законам того времени Михаил был отправлен на передовую, там он сложил свою голову. Случилось это в 1944 году, и было дяде двадцать два года.

Немало и других наших родственников полегло на полях сражений, но эти трагические эпизоды войны, выпавшие на долю нашей мамы, не подорвали её веру в то, что война пройдёт как страшный сон и что наступит мирная счастливая жизнь.

Невыносимо тянулась война. Казалось, не будет ей ни конца ни края... И никакими словами не передать, как радовалась мама, когда узнала, что пришла долгожданная Победа. Но и после войны жилось нелегко. Военное лихолетье и голод сыграли свою зловещую роль: в 1946 году умерла мамина бабушка, Евдокия Евдокимовна, а через год, не дожив месяца до возвращения сына, – свекровь Евдокия Тимофеевна...

Особенно тяжёлым в маминой жизни был сорок седьмой год, когда наступил страшный голод. Довелось голодать не только взрослым, но и маленькой Наде. Только материнское сердце знает, как можно было выдержать постоянную безнадежную детскую просьбу: «Мама, я хочу есть».

Нет тяжелее испытания, чем смотреть на бледного истощённого ребёнка. Сердце матери обливалось кровью от сознания собственного

бессилия. Она прижимала к себе дочь, молилась и надеялась. Её огромное желание – выжить во имя дочери и во имя самой жизни – не угасало ни на минуту.

И мир, как известно, не без добрых людей. Жила недалеко Копылова «баба Настя». Семья у неё была большой, но она тайком выносила Наде полстакана козьего молока. Это и спасло трёхлетнюю девочку от голодной смерти.

Трудности не сломили маму, а наоборот, сделали сильной. Откуда она брала силы, и в чём был источник её жизненной энергии, мы поняли только тогда, когда стали родителями...

Мамина жизнь проходила в труде. Шутливое выражение: «женщина в колхозе – огромная сила» точнее всего отражает роль деревенских женщин.

Несколько послевоенных лет ушло на восстановление домашнего хозяйства. Затем отец и мать держали корову, свиней, различную домашнюю птицу. Семья состояла из восьми человек: троих взрослых и пятерых детей. Самая старшая из детей – Надежда, потом появились Анна, Фёдор, Николай (автор этих строк) и Галина.

Родители думали о нас и заботились. Мама за многодетность и воспитание детей получила «Медаль материнства».

Я видел, как однажды она, задумавшись, сидела на диване, держа в руках награду... О чём она думала тогда, какие мысли омрачали её? Может быть,

сожалела, что медаль – это всё, что могло ей дать государство, или думала о том, как подготовить детей к школе... Награду мама положила в огромный сундук в чулане...

У мамы нас пятеро, и сейчас у каждого из нас есть не только дети, но и внуки. Мы всегда воспитывали детей так, как воспитывали нас родители. Мы благодарны родителям ещё и за то, что они нас никогда, попросту говоря, не били. Воспитывали ласковым словом, похвалой, молчанием, взглядом и примером, а не кнутом и пряником. Мама знала, что сказать тому, кто провинился. Скажет несколько слов – всю душу перевернёт. Бывало, прежде чем совершить какой-нибудь проступок, обязательно вспомнишь мамины слова и подумаешь...

Но в пылу озорной мальчишеской романтики я нередко забывал о маминых наставлениях. О чём каялся и каюсь до сих пор.

Мы знаем и чувствуем, что мама всё время думает о нас, и сколько бы ни было нам лет, и где бы мы ни жили, всегда ждёт нас и молит Бога о том, чтобы все мы были здоровыми и счастливыми.

И нет ничего сильнее материнского ожидания: оно преодолевает любые расстояния, любые препятствия. Оно согревает наши души и вселяет веру, что мы не одиноки в этом мире.

Материнские молитвы оберегают нас и делают сильными в борьбе с трудностями.

Ожидание

Всё вынесла, всё преодолела наша мама. Никто бы не подумал, глядя на неё, что в этой маленькой женщине таится огромная сила, которая помогла победить судьбу.

Казалось, что наша мама безропотно принимала свою нелёгкую жизнь. Но это не так... Она нередко задумывалась, пытаясь понять, почему люди, работающие на такой богатой и огромной земле, живут в бедности и невзгодах.

Шутливое выражение: «женщина в колхозе – огромная сила» точнее всего отражает роль деревенской женщины. Благодаря таким великим труженицам, как наша мама, поднялась разрушенная войной страна.

Трудиться мама всегда начинала до восхода солнца. В своём доме перед работой в колхозе надо было приготовить пищу для всей семьи, напоить и накормить животных во дворе...

Не успеешь оглянуться, как с улицы доносится нетерпеливый сигнал грузовика.

Одна за другой выезжали из деревни грузовые автомобили. Они везли на поля женщин. Со всех сторон слышались их песни и постепенно затихали где-то за околицей. Нередко я слушал их, зная, что в этих песнях звучал голос моей мамы. Сейчас в деревнях и сёлах петь некому: обезлюдели они. В пору безработицы, неустроенности жизни и неопределённости не до песен.

Какую только работу ни приходилось выполнять маме в колхозе и дома. Ухаживала за посевами сахарной свёклы и убирала её, рубила лес, носила от лавы тяжёлые глыбы сырого торфа. Работала на своём огороде, гордилась им, потому что он был всегда одним из самых ухоженных в деревне.

Зимой, когда не было полевых работ, мама пряла, вязала и ткала. Только в конце шестидесятых годов ткацкий станок (в разобранном виде) и прялка обрели постоянный покой на чердаке дома. А на швейной машинке, которая стояла в горнице у кровати, мама шила нам обновки: рубашки, штанишки, платьяца.

С той поры прошло много лет, но стоит закрыть глаза, как представляется мама за прялкой. Нехитрая обстановка хаты освещена керосиновой лампой, потрескивает фитиль, дрожит и качается из стороны в сторону пламя со струйкой копоти. Электросети, разрушенные во время войны, ещё не были восстановлены.

Под мерный монотонный шум прялки слышится тихая песня. Я не помню сейчас, о чём тогда пела мама, но не забывается её голос и то, что её песни были лёгкими, убаюкивающими...

У мамы всегда удавался хлеб. Большие духовитые ковриги с хрустящей корочкой, бережно накрытые рушниками, доходили на лавке, и в хате господствовал ни с чем не сравнимый запах свежеиспечённого хлеба. Она пекла самые пышные и

вкусные пироги с маковой начинкой. И таких солений, мочёных яблок и квашеной капусты, как у мамы, мне нигде не приходилось пробовать. Лёгкая рука была у мамы, а ещё потому всё у неё спорилось, что к малому и большому делу она относилась с любовью.

Мама отдыхала в большие православные праздники, хотя часто говорила: «Работать никогда не грех, до обеда молись – после обеда трудись».

Мама чувствовала себя самой счастливой, если летом в грибную пору удавалось ей выкроить денёк-другой и сходить в лес по грибы... Но больше всего мама любила собирать грибы осенью, когда в лесу появлялись «опеньки».

Мне доводилось бывать вместе с ней в осеннем лесу. Я видел, как она преображалась. От её постоянной усталости не оставалось и следа. Мама всё время улыбалась и становилась моложе. Словно ребёнок, она радовалась каждому, даже самому маленькому грибочку.

Никогда не забуду, как она останавливалась на поляне и долго смотрела на осиновую рощу в багрянце. В эту минуту мне казалось, что всё вокруг затихало от её восхищённого взгляда...

Мирно и дружно жили люди в деревне. Наверное, потому что все выполняли одинаковую работу и не было неравенства. Мама никогда никому не завидовала, хорошо отзывалась о людях, со всеми общалась и ко всем относилась с уважением.

Дружила с соседями. Часто говорила, что «хорошие соседи – самые лучшие друзья».

Один раз я попросил маму рассказать о каком-нибудь выдающемся человеке из нашей деревни. Мама никого не назвала, а сказала, что все односельчане были изнурены тяжёлым крестьянским трудом. Но через несколько минут она поведала мне историю жизни одной женщины, но так, будто эта история не относилась к моей просьбе, а вспомнилась случайно... И я попытаюсь вкратце изложить суть маминого рассказа...

Во время коллективизации (принудительной организации коллективного ведения хозяйства) одну семью в деревне раскулачили и увезли куда-то. Может быть, на поселение в другое место или в один из сталинских лагерей. В общем, с глаз долой...

Эта семья только тем отличалась от многих других семей, что у неё всё в хозяйстве ладилось и что она была немного зажиточнее. И, может быть, никакой истории не было, если бы из этой семьи не осталась в деревне одна девушка, которая в день так называемого раскулачивания находилась в соседней деревне...

Девушку звали Настей. Близких родственников у неё в деревне не было, как говорится, осталась она одна-одинёшенька и в гордом одиночестве жила в деревне до самой смерти. И главное, что она ни одного дня не работала в колхозе и не имела даже клочка земли.

Хата-мазанка в два окошка и с одной крохотной комнатой, плетень и дикая груша – вот и всё Настино богатство...

Я со времени своего детства помню эту пожилую женщину, одетую в овчинную шубу и обутую в лапти... Помогали ей выживать односельчане. И мой отец, бывало, привозил ей дровишек и торфа. И Настя помогала людям...

Она не была ни блаженной, ни больной, ни ленивой... Она с юности всю жизнь несла в душе несказанные боль и обиду. Настю уважали в деревне все, может быть, и подспудно...

Тяжело жилось маме, но ещё тяжелее было уезжать из родной деревни: за годы жизни к её тихому и скромному раздолью сильно прикипело сердце. И этот самый дорогой уголок снится маме, хотя она проживает в доме зятя Гавриила Арсёнова и дочери Надежды в городе Рыльске, который находится всего в тридцати километрах от малой Родины. Нередко снится маме хата и улица, огород и луг, речка и торфяные болота, испокон веков называемые прорвой. Всё милое и родное.

Часто снится маме, что она, маленькая босоногая девочка в ситцевом платье, бежит в туманную бесконечность раннего летнего утра по узкой тропинке, протянувшейся среди пышного лугового разнотравья...

Наша мама принадлежит к тому поколению, которое является хранителем высокой морали. Для

неё очень важно то, что о ней подумают. Сейчас она глубоко переживает, видя повсеместное падение нравственности: распущенность, пьянство и безделье, повсеместно встречающееся в жизни.

Отец и мать всегда радовались нашим маленьким и большим успехам и гордились тем, что ни один из нас не пренебрёг общечеловеческими нравственными устоями, основу которых составляет общественнополезный труд.

Нелегко представить, но мама никогда не знала дня своего рождения, будто бы его не было. Но в начале восьмидесятых годов старший сын Фёдор заявил, что человек не может жить без дня рождения, и с той поры днём её рождения стало 16 сентября.

И вот уже много лет в этот день мама с радостью встречает своих детей, внуков и правнуков. «Я самая богатая! – нередко говорит она. – Потому что у меня пятеро детей, восемь внуков и десять правнуков»... Дети, внуки и правнуки – мамино богатство и счастье. И нет для неё лучшего подарка, чем видеть всех своих родных. Не случайно наша односельчанка Анна Белунова, корреспондент областной газеты «Курская Правда», опубликовала о маме заметку с названием «Марьино счастье».

Когда-то я жил с мамой в одной стране, и мы чаще встречались. Бывало, я весь отпуск проводил в родительском доме. Сейчас всё реже и реже мне доводится говорить самые желанные слова: «Здравствуй, мама!»

Во время встреч мы говорим – не наговоримся. Мама рассказывает не спеша. Наши беседы всегда продолжаются до полуночи. От неё я узнаю о родственниках и новости из деревни. Мама часто рассказывает о пережитом. Как слова из песни, так и прошлое невозможно выбросить из памяти. Мама помнит всё до мельчайших подробностей, и я бесконечно бы слушал её интересные и трогательные рассказы.

Я чувствую вину перед мамой, потому что изредка её навещаю. И не только поэтому... Наверное, вина перед родителями – это вечная проблема детей. Но мне не помнится ни одного случая, когда бы мама обидела меня упрёком или резким словом.

Однажды я попросил у мамы прощения за свои редкие приезды, но она не стала меня укорять, а рассказала такую притчу:

«Высоко в горах жила орлица с тремя птенцами, которые уже подросли, оперились и научились летать. Пришла пора покидать орлятам родное гнездо, но они не хотели. И тогда, чтобы найти повод и выгнать птенцов из гнезда, орлица спросила:

– Скажи мне, мой старший сын, будешь ли ты любить меня и ухаживать за мной, когда я стану старой и слабой?

– Буду, обязательно буду! – ответил он.

– Врёшь! – сказала орлица и выгнала его из гнезда.

– Скажи теперь ты, мой средний сын, будешь ли любить меня?

– Мама, я всегда буду оберегать и любить тебя сильнее всех на свете!

– Ты тоже врешь! – воскликнула орлица и прогнала его.

– А что ты мне скажешь, мой младший сын?

– Я не могу, мама, сказать, хорошо или плохо буду относиться к тебе, потому что не знаю, как сложится жизнь, но я точно знаю, что буду любить и оберегать своих детей так, как ты любила и оберегала нас.

– Живи со мной, – сказала орлица младшему сыну, – ты один сказал мне правду».

Мама... Лёгкий прищур серо-голубых глаз, вздёрнутый нос, и улыбка, знакомая мне с детства. В глазах и в лице – глубокая усталость как свидетельница прожитых лет, но всё равно мне почему-то не верится, что маме, которая всегда была молодой, столько лет.

Я смотрел на маму и восхищался её умением говорить так, что с каждым сказанным словом мне становилось всё легче и легче. Помню, тогда я успокоился и тихо сказал маме спасибо за то, что она не обижается на меня...

Приближались сумерки... Вот замелькали за окном зыбкие огоньки селений. Постепенно затихал говор пассажиров. Каждый думал о чём-то своём и,

может быть, вспоминал маму. И в эти минуты мне особенно ясно представилась встреча с мамой.

Я скажу маме, что она молода и что ясен взгляд её добрых глаз и по-прежнему ласковы её натруженные руки. Я низко поклонюсь маме и поблагодарю за постоянную заботу о нас и за тепло её щедрой души...

Я знаю, мама, что ты сейчас слышишь меня, и верю, что услышала бы, даже если бы я находился на самом краю земли...

Прими, мама, слова мои, идущие от сердца.

2009 г.

Мама умерла в сентябре 2014 года, не дожив нескольких дней до 90-летия. Зловещую роль в смерти мамы сыграли трагические события, происходившие на востоке Украины...

Зарубка

Я помню хаты
 нежный свет иконный
И жита налитые колоски...
Мне видятся
 земные их поклоны
В полях далёких,
 сердцу что близки.

И в душу навсегда запал мне
 мамин
Рассказ о том, как с поля у села,
Три колоска она, ребёнок малый,
В ладошке брату
 младшему несла...

Я в хлебном поле
 слышу голос грубый.
Кричит объездчик:
 «Колоски верни!..»
Есть и во мне глубокая зарубка:
Не повторить бы
 эти дни!

Я брёл к началу

В помине нет моей
деревни прежней.
На выдохе родимая живёт,
Но в ней гостей, как прежде,
по одежде
Встречает
впечатлительный народ...
Я шёл недавно
по деревне летом
И говорок услышал за спиной:
«Ты глянь-ка, городской
в рубахе ветхой
На вольные хлеба идёт домой».
Ни слова ни полслова человеку
Я, обернувшись, не сказал в ответ.
Мне лучше бы петух
прокукарекал
От всей деревни
пламенный привет.
И, обходя колдобины дороги,
Я тихо брёл к началу всех начал,
В отцовский дом,
где будут и убогим
Меня встречать!

Потому я сед

Пусть бурьяном я рос
самосевным,
Но зато в окруженье лугов.
Ветров вольных лихие напевы
Слушать я и сегодня готов.

Вспоминаю реку озорную,
Отороченную ивняком,
И ручей, и тропинку лесную,
Что вела далеко-далеко.

Необъятные помню покосы
На лугах и бескрайних полях,
Где дороги в серебряных росах
К тайнам светлым манили меня.

Застарелую помню усталость
И родителей, и земляков.
Сколько бед им великих
досталось,
Не опишешь во веки веков.

И меня одолела усталость...
Потому несказанно я сед,
Что хочу, чтобы мне не осталась
Даже малость родительских бед.

* * *

В родной деревне пруд был,
 просто прелесть:
Особенной
 небесной синевы!
Какая радость – слушать
 нежный шелест
Ветрами
 избалованной волны.

Бывало,
 что и в тягостном унынье
На берегу о счастье
 я мечтал...
И не могу глазам
 поверить ныне:
Где пруд сиял –
 пробился дикий тал.

До капельки
 вода ушла куда-то.
Что впереди?
 Так хочется взглянуть!..
В ответ мне ветер
 полевой кудлатый
Принёс высокую волну...

Надо в Глухов

Побывать в таком вагоне
Не желаю и врагу.
Рано утром на перроне
Надышаться не могу.

Тянет нежною прохладой.
Пахнет сено и полынь.
Станция «Путивль»,
а рядом
Городок стоит Бурынть...

В крохотном автовокзале –
Чистота и тишина.
Место я нашёл глазами
Возле дамы, у окна...

На неё взглянул украдкой.
Боже мой, как хороша!
И волнующей загадкой
Вмиг охвачена душа...

Репродуктор хрипнул глухо
На погибель всем мечтам...
Хороша... Но надо в Глухов
И – в родимые места!

Казённому Торцу

Не стремлюсь
на дальний берег
Ни в мечтах, ни наяву.
Стороне степной я верен.
С ней в согласии живу.

С давних пор
дружу я с речкой,
С тишиною зоровой.
Время всюду
быстротечно,
Но у речки час иной...

У неё и облик важный.
Помнит речка времена:
Что по ней –
и не однажды –
Казачи шли на челнах...

Не случайно оторочена
Дивной красотой река
И ютятся непорочные
В тихих водах облака.

Река Казённый Торец.

Городская тишина

Почему-то очень часто
 просыпаюсь утром ранним.
Может быть, что виновата
 ясноокая весна...

Видю я сиянье храмов,
 и мой город до окраин,
И я счастлив – мне знакома
 городская тишина.

В городке, где многолюдно,
 тишина – большая радость.
Пыльный город освежая,
 тихо-тихо дождь идёт,
Нелегко в такое утро
 снов прогнать волшебных сладость.
Потому неугомонный
 спит наш праведный народ.

Городская тишина
 пусть всегда подольше длится,
Даже если в тишине
 мне не спится...

* * *

Пусть город мой не молодой,
но он и не старинный.
И я не вижу в жителях
зазнайство или спесь.
Тебе на рынок кажется
дорога самой длинной –
И почему-то хвалишься,
что знаешь город весь...

Не буду спорить без толку
о вкусах я и нравах,
А просто так, по-дружески,
даю тебе совет.
Но что, скажи, узнаешь ты
на суетных базарах?
Взгляни, как вспыхнул в городе
жемчужно-белый свет.

Пройдись, мой друг, по улицам
от края и до края –
В цветенье абрикосовом
увидишь город свой.
Я знаю – не покажется
тебе он сущим раем,
Но очарован будешь
земной его красотой!

Я спешу

Вечерет... Иду по Дворцовой
И весной
 с наслажденьем дышу.
Показалась мне улица новой.
Погулять бы по ней, но спешу.

Здесь мимоз покупаю букетик:
Очарован я их красотой.
Вижу быстрые взгляды кокеток.
Может, думают –
 что холостой.

Может быть,
 привлекаю букетом...
Разберись-ка во всём на ходу.
Тороплюсь – и по улице этой
Не спеша я с тобою пройдусь.

Летаю в мечтах

У нас магазинчик есть
«Класс!» –
В нём кисти и краски,
и ручки...
Но я попросил как-то раз:
– Вы крылья продайте
мне лучше.

Шутить и не думал тогда я:
Хотелось
парить в небесах...
Вернулась ли
прыть молодая?
Летаю –
в мечтах!

Я известный

(шутка)

Всё чаще слышу
 добрый день,
И мне легко,
 светло и лестно.
Стираю всех
 сомнений тень –
Я человек известный!

В поэзии я преуспел,
И мною город
 мой гордится...
Что город!
 Я почти взлетел
На постамент
 в самой столице!

Вдруг бац!
 И думаю: каюк!
На постамент –
 и вот вам здрасте...
Влетаю я
 в злосчастный люк,
А мне сказали:
 «Это к счастью».

Радостнее радуг

Ах, какие пузыри
Надуваются из пены!
Сколько радуг в них горит –
Столько их в глазах у Лены.

Неземная красота –
Неожиданных мгновений –
И такая высота
Окрыляющих волнений!

Сколько радуг?.. Это радость,
Это счастье без прикрас.
Но всех радостнее радуг
Лучезарность детских глаз!

Не посторонний

Взглянул я
 на весенний рай
И был обеспокоен...
На подоконнике герань
Случайно зацепил рукою.

Хотя мы давние друзья,
Но без причин и уговору
Нам никого будить нельзя
В такую сладостную пору.

Герань цветущая нежна
И гибнет без тепла и ласки.
Пахнула запахом она –
И райские поблекли краски.

Цветок мне дал понять
 без слов,
Что быть нельзя
 неосторожным...
Я в лучшем самом из миров
Не посторонний!

Чтобы летать

Уют, тепло, диван скрипящий.
О чём ещё мечтать в летах?..
О жизни, самой настоящей,
Чтобы не ползать,
а летать!

Открываю портал

Я жизни ценитель –
и тонкий –
И даже забыл сколько лет
За счастьем
участвовал в гонке,
Но понял – оно раритет!

Разрушен мой замок
воздушный;
Я, словно борзая, устал.
Милы мне диван и подушка,
Но открываю портал...

* * *

Может, черти накачали
Боль оконной мне тоски.
Может быть, что я случайно
Утром встал не с той ноги...

Я смотрю в туманность дали
И сквозь дождь –
на город мой.
Встречи яркой ожидаю
С настоящей зимой.

Будут ли синички тенькать,
Предвещая мне мороз?
Позабуду снежный день как?
Кто ответит на вопрос?

Верю я, что мир прозреет.
Боже мой, а если нет?
Мне на мёртвый снег в музее
Нелегко смотреть!

*Февраль. Достать чернил и плакать.
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.*

Борис Пастернак

Февраль

(два стихотворения о феврале)

Февраль.

Метель.

Души полёт.

И никаких причин,

чтоб плакать.

Вокруг краса! И скрип идёт –

И навсегда забыта слякоть...

Но в снег бы мне –

и с головой,

Чтоб убедиться –

снег не снится!

Вдруг слышу:

в балке Кутовой

На санках детство

вихрем мчится...

Февраль.
И так весна близка!
Всё ярче запахи и краски...
Легка моя печаль-тоска
По мимолётной
зимней сказке.

Февраль

Февраль.
И нет причины плакать...
Любуюсь дивной красотой.
Снега пушистые –
не слякоть,
И март летит
с горы крутой.

Я февралю под птичье пенье
Любовный напишу сонет.
Февраль высоким
вдохновеньем
Открыл весне зелёный свет...

Коротка тропинка

Помнится: я шёл когда-то
По тропинке у реки,
И плыла в реке ондатра
Страхам диким вопреки.

Видел я забавный носик
Над зеркальной водой,
В глазках-бусинках вопросы:
Не иду ли я с бедой...

И ондатра осторожно
Возле берега плыла.
И зачем меня дорожка
К повороту привела!

За волною скрылась спинка
Милой спутницы моей.
Коротка была тропинка,
А я думал – нет длинней.

Бычок

1

Речка, что со взглядом
 скромным,
Называется Бычком.
Я стою у чистой кромки
Перед тихим ручейком.

Но на карте обозначен
С давних пор Бычок рекой.
Был таким он, не иначе,
В глубине седых веков...

Камышовой оградой
Скрыта речка от людей.
А была речушка ладой:
Равных не было нигде...

2

Светло-голубою лентой
Мне привиделась река.
Улыбается в ней лето,
Ловят рыбу облака...

В ней купается повсюду
Наш народ: и стар и мал.
И сегодня столько люду
Я в театре не видал.

Вижу мельницу-старушку.
В ней белее молока
Тёплой струйкой,
 будто в кружку,
Льётся день за днём мука.

3

И купав в реке так много
В светлых заводях речных...
А теперь одна тревога:
О былом счастливом сны.

Сторона моя степная,
Слышу я твой вечный зов.
В нём обида вековая
Всех речушек-ручейков...

Знойный день.
 Мой путь далёк...
Под Божественною сенью
Наше вижу я спасенье,
Славный ручеёк Бычок.

Контрасты

(грустный этюд)

Знаете ли вы, что такое контраст? Думаю, знаете и, отвечая на этот вопрос, можете подумать о различных контрастах, встречающихся в нашей жизни. Наверное, вспомните некоторые слова – антонимы. Ко времени и к месту блеснёте своими знаниями, если приведёте классический пример о лексическом значении слова контраст из популярного «Словаря русского языка» С.И.Ожегова, где чёрным по белому написано, что контраст – это «резкая противоположность».

И я полагаю, что вы для убедительности обязательно скажете, что контрасты – это бедность и богатство, сила и слабость, любовь и ненависть. И будете уверенно утверждать, что это самые главные контрасты в жизни человека.

И я так думал до недавнего времени, но увидел картину, полностью изменившую мои представления о важности контрастов. И вот как это было...

В одно солнечное, но холодное осеннее утро я шёл по дорожке вдоль изгороди школьного двора и у толстой старой ивы, свесившей до земли свои тонкие густые ветви с мелкими листочками, приостановился, поражённый увиденной картиной...

По асфальтированной спортивной площадке очень медленно двигалась старушка, волоча за собой

противно скрипевшую ржавую тележку, по известным причинам названную «кравчучкой». На тележке было какое-то тряпьё, связанное верёвкой.

И наверное, от глубокой старости или по причине болезни женщина еле-еле передвигала ноги, хромя и покачиваясь, как утка, из стороны в сторону.

Каждое движение, каждый шаг давались ей с огромным трудом. И совсем не от тяжести груза, а от жалкой немощности старушка согнулась, как говорится, «в три погибели», то есть почти до самой земли. Издали казалось, что она намеренно глядела под ноги, боясь споткнуться.

Её голова покрыта выцветшим платком. Лица невозможно было увидеть, хотя нетрудно было представить, что оно – бледное и сморщенное, а глаза – слезящиеся, бесцветные, страдальческие.

Старинного покроя пальто, из грубой шерстяной ткани неопределённого цвета, ещё сильнее углубляло моё впечатление.

Дойдя до середины площадки, старушка остановилась. В это время солнце, словно стыдясь открывшейся картины, спряталось за тёмной тучей; стало пасмурно, и согбенная фигура приобрела роковой вид. То ли от зрелища, то ли от холодного ветра я съёжился...

Вскоре солнце, выскочив из серых объятий тучи, ещё ярче осветило двор, старушку и недалеко от неё начавших играть детей – подростков,

выбежавших из школы. Их радостные крики, красота и юный задор обрадовали меня. Но рядом – старушка, немощная и жалкая...

И в эту минуту меня осенило: вот он, самый главный контраст в жизни, контраст между молодостью и старостью! И никакие другие контрасты не смогут сравниться с ним!

Дети самозабвенно играли и не замечали ни старой женщины, так медленно двигавшейся по баскетбольной площадке, ни солнца, ни меня, наблюдавшего из-под ивы одно из самых печальных мгновений жизни.

«В том, что дети не задумываются о старости, – думал я, – и не обращают на неё внимания, полагая, что впереди у них бесконечная молодость, и есть беззаботная прелесть детства и его счастье».

Мне и в этом открылась контрастность...

24. 04. 2007 г.

Успею догнать

Надеялся я, что ко мне
 эта женщина
Шла улицей людной –
 но мимо прошла!
Напрасно весна
 так сияла торжественно,
Напрасно и женщина
 так хороша!

Как в дни золотые,
 вдруг с силою бешеной
Усталое сердце
 забилось опять:
Уходит, уходит
 весенняя женщина...
Успею догнать!

Нравится мне Настя

В Третьяковке «Незнакомка» –
Всем картинам эталон.
Я стою, фуражку скомкав,
Красотою потрясён.

Но к чему у дамы гордый,
Равнодушно-томный взгляд
На туман, на стольный город,
На меня, на всех подряд?

Миг-другой, и я в ней вижу
С поволокой нежный взор,
Губы цвета алой вишни
И улыбку, и задор!..

Это вовсе не напасти,
И виновна не жара.
Просто нравится мне Настя
Из соседнего двора!

Стереть память не смог

Рядом с ней

я присел не случайно:
Показалось – такой не видал,
Но подумал с глубокой печалью
О своих поседевших годах.

Неуютно, обидно, неловко...
К чёрту вымысел этот и вздор!
Не забыта бывлая сноровка –
Я завёл молодой разговор.

Что впервые такую встречаю...
Как зовут узнаю, где живёт.
Признаюсь,
что души в ней не чаю.
Даже бровью она не ведёт.

Холодок между нами растаял,
И склонилась ко мне на плечо
То ли грешница, то ли святая –
Если в светлое верит ещё...

В переходе подземном я ладу
Потерял. Был в толпе одинок!..
Помню:
стёр я с рубашки помаду.
Стереть память – не смог...

Мнимый возраст

Говорят, что я стар... Ерунда!
Все стареют: и люди, и звери...
Я хочу позабыть о годах,
Чтоб в унылую
старость не верить!..

Забываю! Тогда почему
Вдруг ушко у иглы стало уже?
Разве годы виною тому?
Может быть,
что я видеть стал хуже?

И нередко играют со мной
В доме вещи,
как будто бы в прятки.
Я ручаюсь своей головой –
Оставлял их
в привычном порядке...

Но признаюсь: бываю я рад,
Если ты говоришь мне:
«Мой милый...»
Вмиг меняю на многое взгляд –
И мой возраст становится
мнимым!

Моя не запятнана честь

Ты мне показалась
надменно холодной,
И чёрная мысль –
у тебя есть другой –
Закралась мне в душу
змеёй подколодной,
И дьявольской силой
мой рушит покой.
Поверь мне, родная,
что самый я лучший!
Под нашей кудрявой берёзкой постой
И, шёпот её полуночный послушав,
Свидания вспомнишь
под кроной густой
И клятвы, какие давали друг другу,
Когда на заре возвращались домой...
Жизнь наша вернётся
к волшебному кругу,
И снова ты милою будешь со мной.
От мысли ревнивой
очнувшись с надеждой,
Я понял – моя не запятнана честь,
Когда ты сказала особенно нежно:
«Пойдём-ка, мой милый,
мы блинчики есть».

Ты ушла, ничего не оставив

(романс)

Вечер тёмные

крылья расправил,

И сверкнула звезда, как слеза.

Ты ушла, ничего не оставив,

Опустив с поволокой глаза.

Ты ушла, ничего не оставив:

Ни улыбки, ни взгляда, ни слов.

Как я жить после этого стану?

Может быть,

мы увидимся вновь?

Вечер тёмные

крылья расправил,

И на блюде погасла свеча...

Поступила ты мне не по нраву:

Сгоряча ты ушла, сгоряча.

Вечер тёмные

крылья расправил,

И сверкнула звезда, как слеза.

Ты ушла, ничего не оставив,

Опустив с поволокой глаза.

Не избранник

Слышу в сквере шум и гам
В изумрудной кроне клёна.
Присмотрелся – дятел там
К дятлам пристаёт
влюблённым...

В драке гость
непрошенный устал
И покинул место брани...
Ярче всех
пеструшка наш блистал,
Но не он
избранник!

Незадача

На лужайке, у нашего дома,
Все приметы весны налицо:
Одуванчики
 вспыхнули снова,
Снова свист
 франтоватых скворцов.
Снова тихие светлые лужи
И дома, отражённые в них...
Я иду и всё глубже
 и глубже,
Ненасытно дышу, за двоих.
Ветерок мне навеял
 в придачу
Ароматов пьянящих букет,
Но принёс
 невзначай незадачу,
Что тебя
 со мной рядышком нет...

Видит кое-кто

Удивлѐн во всей округе
Любопытный наш народ:
Почему-то друг без друга
Жить не могут
мышь и кот.

Что кот видит
в серой мышке?
Он совсем ослеп, видать,
Что не хочет
кошке-пышке
Предпочтение отдать!

И я вынужден ответить,
Чтоб не слышать
это впредь:
«Видит кое-кто на свете,
Хотя могут все смотреть...»

Решил я подарить любовь

(шутка)

Решил я подарить любовь –
И при свечах

и алых розах.

В ответ услышал:

«Милый мой,

Мне лучше

что-нибудь из прозы...»

Я утром

предложил вдвоём,

Пойти за город

на прогулку.

Она: «Отложим мы её,

Купи, пожалуйста,

мне сумку!»

Я говорю: «О, ёма ё!»

Она продолжила не в шутку:

«Ты будешь

складывать в неё

Деньжата мне на шубку!

Письмо

Получил письмо я снова,
Прочитал – и чую боль!
От души
 в нём нет ни слова,
Нет намёка на любовь...

Не прошла обида мимо,
Зацепила сердце вдруг:
Раньше был
 твоим любимым,
А сейчас читаю – друг!

Помнить буду ли –
 не знаю,
Но тебя благодарю
Я за то, что ты, родная,
Не продолжила игру...

Расставание

Я любви былой и ласки
Не увидел, не узнал,
И дорогою мы тряской
Едем молча на вокзал.

Из трамвая
 смотрим грустно
На огни со всех сторон.
Одиноко, горько, пусто –
И далёк перрон!..

На перроне
 многолюдном
Позабудем мы с тобой
В примиренье обоюдном
И любовь, и нелюбовь...

Ты пойдёшь
 к вагону чинно,
Бросив мне
 холодный взгляд.
Может быть,
 в тебе причина.
Может быть,
 я виноват...

Неужели весна

Неужели весна, неужели,
Приоткрыла объятия свои?
Под окном
 не звенели капли,
На дворе не бежали ручьи.

Неужели весна, неужели?
Показалось, наверное, мне.
Но грачи,
 но грачи прилетели
И горланят всю о весне!

Веселее и говор прохожих,
В светлых лицах
 веснушки видны,
И в глазах,
 ни на чьи не похожих, –
Сумасшедшие
 блики
 весны!

У друга – пальцы враслопырку

У друга – пальцы враслопырку,
И он – с иголки одет!
А мне закрыть хотя бы дырку
В одном из стоптанных штиблет.

И шик и блеск был лексус друга.
В моих руках – велосипед!
Смотрели друг мой и округа
Во все глаза на мой штиблет.

– Привет дружище, вот так встреча!
Я здесь проездом, по делам,
И вижу, вижу, друг сердечный,
Живёшь ты с горем пополам.

А я на славу развернулся:
Дела – ажур, прекрасна жизнь!
Он чуть заметно ухмыльнулся,
Махнул рукой, мол, ты держись.

Вмиг лексус за пригорком скрылся,
И позабыл я обо всём,
Когда, как будто бы на крыльях,
Летел в обнимку с ветерком!

Сомкнут круг

Здесь когда-то, о мой Боже,
Пил из речки светлый князь.
А теперь поднять не может
Земснаряд на берег грязь.

И не будет тот, кто умный,
В речке плавать и нырять.
Не об этом в спорах шумных
Депутаты говорят.

А сулят народу диво:
Зону отдыха создать.
И прекрасные Мальдивы
Скоро будут как пить дать.

Крикнул бы от счастья ах
Наш народ, но недосуг:
На Мантульских островах
Сомкнут жизни круг!

А лучше ли двигаться вспять

На гребне

 печальных раздумий
Без жизни в усталых глазах
Мы, старая гвардия мумий,
Вдаль мчимся на всех парусах.

Направлены мутные взгляды,
Как в прошлом,
 вперед и вперед.
Рождению дня мы не рады,
Не рады, что солнце встаёт.

О чём можно думать
 так грустно?
Счастливую жизнь
 вспоминать?
Заилила красное русло
Хрущёвская кузькина мать...

Послышался говор-ворчанье:
«А нас обманули опять...»
Летит в неизвестность
 «звичайний»,¹
А лучше ли двигаться вспять?

¹ «Звичайний» (укр.) – автобус для пассажиров льготных категорий

Улыбку рассвета я увидал

Утром в троллейбусе
щурюсь я слепо:
В лицах увидеть
мне хочется свет.
Но оказалась затея нелепой:
Есть пассажиры, а лиц у них нет.
Однообразные серые маски
Сонно качаются
рядом и сплошь.
Где же улыбки, весёлые краски?
Были, да сплыли,
видать, ни за грош.
Чувства девятым
нахлынули валом —
Дышит отчаяньем
мрачный салон.
Может, что солнце ещё не вставало?
Может, кошмарный
привиделся сон?
Может, и вправду,
так жизнь беспросветна?
Но выхожу... Занимается даль!
Счастлив и тем, что улыбку рассвета
Я увидал!

По чьей вине

В одном лице со мною рядом
И Нечто и Ничто идёт.
Ему – сияющие взгляды,
Тепло приветствий и почёт.

Я знаю – зачастую люди
Не бьют поклоны без причин.
Ничто не был
 «как хрен на блюде»,
Имел и место он, и чин.

Стара, как мир, о лести тема,
Но надо говорить о ней,
Пока плодит рабов система...
По чьей вине?

Театр не забыт

Меня наклонили
 что некуда больше!
И я в огороде
 всё дольше
 и дольше.
Но так надоел
 прозаический быт,
И снится мне Чехов...
Театр не забыт!

Два варианта одного стихотворения

Жизни нет

(совы)

Верим в это и не верим:
Видим много круглых глаз.
Это совы на шпалере
Прозевали светлый час.

Или, может быть, прозрели
В мире сказочной красы
И вот-вот сменить хотели
Ночи тьму на блеск росы.

Но взлетели... Не по нраву
Совам утра чистый свет.
Есть у сов такое право.
Нам без света жизни нет!

Совы

Верим в это и не верим...
Несколько совиных глаз
Смотрят,
 будто насквозь сверлят
Неподвижным
 взглядом нас.

Растерялись, видно, совы
Летним утром от красы,
И вот-вот сменить готовы
Жизнь во тьме
 на блеск росы.

Но очнулись птицы ночи.
Взмах, другой –
 и знай как звать.
Мы на сов похожи очень:
Жизнь не можем изменять!

Совы

(записки натуралиста)

Живёшь на свете и часто в сутолоке повседневных забот не видишь ничего замечательного, но вдруг озарит обыденное течение жизни какой-нибудь яркий случай...

Стояло чистое раннее утро. Виднелись голубые дали, и среди них – ставки, поля, посадки. В такое время мы шли на дачу по узкой извилистой дорожке, протянувшейся на пологом косогоре через поле цветущей сои. Невысокая, светло-зеленая, усеянная мелкими розовыми с фиолетовым оттенком цветками, соя брызгалась прохладной росой, когда мы цепляли её веточки.

Что ни говори, а рассветы в окрестностях города великолепны. Они отличаются свежестью и чистотой воздуха, тишиной и крепким степным ароматом, настоявшимся за ночь. И степное раздолье радовало нас нежной прохладой спокойного дыхания летнего утра.

Мы спешили, чтобы пораньше прийти на дачу и поработать несколько часов в утренней прохладе. Хорошо утоптанная полевая тропинка оказалась мокрой и скользкой от росы, поэтому идти быстрее было невозможно.

Вскоре тропинка, будто растаяв в росе, закончилась, и дорога, заросшая пышным спорышом, повела нас по одной из линий бывшего дачного общества. Мы оказались среди плотного разноголосого пения птиц: в июне они особенно стараются показать своё мастерство. В стройном хоре выделялся голос одинокого соловья, нередкого гостя в Донецком крае. Он старательно выводил колено за коленом, раскрывая свои незаурядные вокальные способности.

Обильная роса, предвестница ясного погожего дня, насквозь промочила нашу обувь, которая стала противно хлюпать и сползать. Её пришлось снять и двигаться дальше босиком. Как приятно идти по траве, покрытой росой! Может быть, поэтому мы неожиданно быстро оказались на винограднике...

Перед работой у нас по обыкновению всегда проходил обход своих «угодий», и это утро не было исключением из сложившегося в течение многих лет правила. Нежную зелень дачи, отдохнувшую за ночь от зноя, высокие кусты вьющихся роз, длинный ряд ночных фиалок – всё рассматривали мы с удовольствием, идя по дорожке, что пролегалла за домиком и тянулась между овощными грядками через весь огород.

Когда мы прошли несколько метров, то остановились и замерли, увидев в пяти-шести шагах от нас, за домиком, на тонкой трубе виноградной шпалеры три неподвижные совы.

Затаив дыхание и не отводя глаз, мы смотрели на неожиданных гостей. Птицы казались огромными. Они так близко сидели друг к другу, что их крылья соприкасались. Совы были одинаковыми, как сёстры-близнецы. Они с удивлением и лукавством смотрели на нас. Глаза сов выглядели большими. Казалось, что в пристальных взглядах пернатых красавиц застыл немой вопрос: «А вы, зачем здесь?»

Маленькие крючковатые клювики потешно выглядывали из пёстрых перьев. Богатое праздничное оперение коричневого цвета, такое же чистое, как утро, блестело, словно смазанное лампадным маслом. Перышки, четко выделяясь, волнами расходились в стороны.

Минуты через две ночные сестрички спрыгнули по очереди с трубы и, не касаясь земли, низко-низко полетели, хлопая крыльями, как куропатки. Совы скрылись за деревьями, а мы стояли без движения, потрясённые прекрасным зрелищем.

– К чему бы это? – очнувшись, спросила жена. – Наверное, не к добру, не зря в народе бытует мнение, что совы – дурная примета?

– Не может к несчастью открываться такая волшебная красота. Все прекрасное в мире – только к добру... – еле слышно прошептал я, не узнавая собственного голоса.

Рисунок Нины Величко

Нам удалось недолго поработать на своих «гектарах»... Но яркое ощущение радости, как от встречи с близкими родственниками, не покидало нас долго: и по дороге на автобусную остановку, и в пути домой.

Мы с удовольствием прочитали дома в одной из книг А.Э.Брэма «Жизнь животных» всё, что было написано о совах.

Нам часто вспоминается этот удивительный случай. Мы нередко рассказываем о совах друзьям и знакомым. Но больше всего наши рассказы нравятся

детям. Одна юная художница даже запечатлела на бумаге знакомых нам сов. Творческое воображение не подвело девочку Нину.

Мы уверены, что совы явились не случайно. Это убеждение пришло к нам из ненароком открывшейся маленькой странички огромной занимательной книги, по имени Природа.

А сколько страниц и страничек ещё не открылось?..

Краматорск, 09.11.2006

Иду за строкой

Меня грибником называют
отменным,
А я не достоин оценки такой.
Нередко, как в школу
спешил за отметкой,
В дубраву иду я за яркой строкой.

Стою, замерев, у опушки цветастой:
Убор неподдельный пленяет меня.
Я лесу шепчу еле слышное здравствуй
И осени в ярком сиянии дня.

Идти я не в силах, дышать я не вправе,
Но вьётся манящей загадкой тропа...
И вскоре мне в светлой
старинной дубраве
Является слово за словом строка.

Домой возвращаюсь
безумно влюблённым
В красу неземную поры колдовской
И чувствую даже себя окрылённым
Моей единственной строкой!

Время слухи проверить

Дождик сеет грибной
 всю неделю,
И густые туманы стоят –
Время слухи проверить на деле,
Что «в лесу просто море опят»...

На попутке добрался до леса
Я в один из погожих деньков
И зашёл на заветное место,
Где опята росли у пеньков.

Остро пахло осеннею прелью –
Признак верный: в лесу есть грибы.
В белоствольную тихую прелесть
Окунувшись, я всё позабыл.

* * *

Всегда по лесу путь
 далёкий...
Но встретил я
 такой пенёк!..
С грибами кузовок
 глубокий
Несу –
 и путь мой недалёк!

Непростое дело

В лесу
Святогорском осеннем
Я с деревом каждым на вы,
Но сонный тревожу осинник
Шуршаньем
пожухлой листвы...

Взглянуть под неё,
всё же стоит:
Грибы – не иголки в стогу...
Пусть дело совсем не простое,
Найти их, наверно, смогу...

Позднее взгляну, осторожно...
Любуюсь багряной красой.
И взгляд отвести невозможно...
Но прячется что под листвой?..

Таились там чёрные грузди!
Я жизнью доволен сполна.
Из леса меня с этим грузом
Выносит удачи волна!

* * *

С тобой засиделись мы очень,
Беседуя мирно ладком...
И в этом виновна не осень,
А чёрные грузди с ледком!

Калина

(эпюда)

Идут холодные дожди,
Куда ни глянь –
 ручьи и лужи.
Калина плачет и дрожит,
Но не от мокрой
 мерзкой стужи.

Стекают слёзы, как вода,
По красновато-бурым
 листьям.
Случилась страшная беда:
Сломали у калины кисти.

Осенняя мечта

Как осень поздняя печальна!
Но к ней вернётся красота...
И жизнь свою
 начать сначала –
Совсем
 не глупая мечта...

Открою тайну многоточий
И, не стесняясь, уточню,
Что я
 без лишних проволочек
Красиво жить
 начну!

Лось

Выстрел был
 оглушительней пушки.
Гулко эхо по лесу несло.
На поляне, у самой опушки,
Прохрипел о беде своей лось.

Он упал... И, дыша еле-еле,
Норовил
 приподняться с земли.
Ноги сильные вмиг ослабели,
А быстрее, чем ветер несли.

У поляны в багрянце осины,
Позолотой берёзы горят,
И сохатый нашёл в себе силы
Подарить им
 прощальный свой взгляд.

И в глаза мне
 совсем не случайно
Заглянул
 окровавленный лось...
Тёмной глыбой легла
 во мне тайна,
Что почувствовать довелось...

* * *

Когда шла осень нехотя к зиме,
Сойти с обычного пытаюсь круга;
Горсть ягод подарила мне
Калина, юности моей подруга.

Но был её с горчинкой сладкий сок:
Я встречу нашу вспомнил у калины.
О, если бы вернуть тебя я смог,
Прошёл бы путь,
 пусть даже самый длинный.

О, если б годы повернуть назад,
Мы никогда б с весною
 не расстались...
И дней моих роскошный листопад
Высокие во мне слагал бы стансы.

О, если б оказаться вновь на миг
С тобой во времени невозвратимом,
Я знаю: ты услышала бы крик,
Хотя и был я пьян цветенья дымом.

О, если бы вернуть тебя я смог!..

Колючки

Небо выдалось лучистым –
И в сияние река,
Но особый, серебристый,
Лился свет издалека.

И увидел я колючки.
К ним дотронулся рукой.
Не вторгаться бы мне лучше
В торжествующий покой.

Увела меня дорога...
Я запомнил случай давний.
Красоту не надо трогать,
И тем паче – увяданья.

И осенним утром ранним
Удалось мне рассмотреть,
Что колючки умирали,
Отвергая смерть!

Колючки на берегу реки Казённый Торец

Судить не берусь

О вкусах ни с кем
я не спорю,
Но в осень влюблён –
и давно.
Она даже в зрелую пору
Пьянит меня, словно вино.

И снова с горячей я страстью
В любви объясняюсь в стихах
Поре, что не только
прекрасна,
Но и молчалива, тиха...

В загадочном
этом молчанье
Мне видится лёгкая грусть.
Немного и я опечален,
Но осень
судить
не берусь!

Пушкинская осень

(лирическая миниатюра)

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...*

Александр Пушкин

Осень в городе начинается, наверное, с прохладного ветерка и нескольких побуревших листьев, кое-где опавших с деревьев. Эти первые робкие приметы осени приходят незаметно, но потом осень изо дня в день набирает силу, изменяя всё вокруг, кроме неба, которое долгое время остаётся безоблачным и по-летнему светлым.

Нередко в разгар осени выпадают особенно тёплые яркие дни: в народе их называют бабьим летом. После этих дней, как обычно, наступают холода, и по утрам слегка подмораживает. Так приходит время, когда «день и ночь кружится жёлтый лист», и улицы города, дворы и парки засыпаются разноцветной листвой с такой щедростью, какую можно увидеть только в густом лиственном лесу.

В нашем городе особенно приятно в осенние дни бродить по аллеям парка, названного в честь великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. У входа в парк находится памятник поэту.

Пушкин с постамента созерцает осень, которой он посвятил немало вдохновенных стихотворений...

Здесь, у памятника, вспоминаются стихи Пушкина об осени, и среди осеннего великолепия парка явственно слышится его голос:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой...
Красою тихую, блистающей смиренно.

Поздняя осень выдалась у нас на редкость милой. Дни стояли погожими. Они не потеряли своего великолепия, когда были «осени холодною рукою главы берёз и лип обнажены».

У каждого времени года есть свои прелести. Весна – пора надежд и обновлений. Лето приносит тепло, спокойствие и умиротворение. Осень радуется необычной красотой и навеивает лёгкую грусть. Зима – это время рождения новых планов. Под песни метелей хорошо думается о смысле жизни. Поэтому одни любят весну, другие – лето, кому-то по душе зима, но есть, и немало, людей, восторгающихся «прощальной красотой» золотой осени.

Ей, златокудрой красавице, во все времена поэты посвящали стихи, но никто не воспел её так, как Александр Пушкин. Поэт видел в ней не только то, что «небо осенью дышало» и что «лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась». Это внешние признаки осенней поры, хотя и

прекрасные, но из года в год повторяющиеся. Пушкин чувствовал ещё нечто необычное, особенное...

В стихотворении «Осень» поэт пишет: «И с каждой осенью я расцветаю вновь...». У него «легко и радостно играет в сердце кровь» и «пробуждается поэзия...». Пушкин как великий мастер художественного слова передаёт своё душевное состояние и в таких проникновенных строках:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.*

Осень – неисчерпаемый источник вдохновения поэта. Пора, когда с особой силой раскрывалось его поэтическое дарование и его стихи звучали нежно, будто лесной ручеёк с чистой водой. Стихотворения Пушкина легко читаются и быстро запоминаются.

Мир пушкинской осени чудесен. Осенние мотивы лирики Александра Сергеевича Пушкина помогают нам видеть, чувствовать и любить красоту. Поэт всегда рядом с нами, в нашей осени...

Вечереет... Дохнул морозный ветер, и похолодало. Это зима, приближаясь, напоминает о себе. Мне жаль расставаться с тобой, осень! И спасибо тебе за то, что навеяла мысли о великой поэзии.

Памятник А. С. Пушкину. Краматорск. Донецкая обл.

Свин

Свин увидел уши в луже
И подумал: крылья это.
И хотя взгляд свина сужен,
Он решился быть поэтом.

Много сделал свин попыток
На Олимп взлететь, но грязь,
Что не только на копытах,
Помешала – и не зря!

Если свины лезут в князи,
Я скажу, что не беда...
Могут князи быть из грязи,
Но поэты –
никогда!

Мечта

Дремлет кот у меня
на коленях.
Он надёжный
и преданный друг.
Полыхают в камине
поленья.
За окошком луны полукруг.

Я, окутанный
сладкой истомой,
Вслух читаю
потёртый блокнот.
Хорошо, хорошо мне так дома.
– Мур-мур-мур, –
соглашается кот.

Скажет кто-то: идиллия это.
Я отвечу: живая мечта!
Как ни ляжет
медяшка монета –
Заведу я кота!

И начал я театр с буфета

(шутка)

*«Театр начинается с вешалки»
(устная цитата, приписываемая
Константину Станиславскому)*

Мой друг полгода экономил
И на спектакль денег зат собрал.

В театр летел, не чуя ноги,

Завзятый будто театрал.

Застыл он у билетной кассы,

Когда кассирша энных лет,

Открыв свой ротик

распрекрасный,

Промолвила:

«Билетов нет!»

И друг,

спасаясь от расстройства,

Кассиршу пригласил в буфет.

Там был кураж такого свойства,

Что ни в каких спектаклях нет!

Подумал я, услышав это,

Что Станиславский был не прав.

И начал я театр с буфета...

Там классная

была икра!

Весенний мотив

С терпеливым ожиданием
Я смотрю на горизонт.
Из просторов
 дальних- дальних
Скоро ли весна придёт?..

И сияющий открылся
Бирюзовый окоём.
Ветерок на
 нежных крыльях
Мне в лицо пахнул теплом.

Даже скромные лягушки
Песни завели в реке
И в болоте у опушки,
И в пруду невдалеке.

Мне всего
 приятней слушать
Беззаботный хор лягушек!

Я восхищен

*«Каждый охотник желает знать,
где сидит фазан»*

Летним днём фазан один
Шёл в степи, где нет ни тропки,
Словно важный господин,
Деловой и неторопкий.

В оперении его
Сказочно блистали краски.
Я не видел никого
С обликом таким вот, царским.

Этой дивной красотой
Восхищён я как никто!
Пусть охотники не знают,
Где фазаны обитают!

Дворнику

Это кто в такую рань
Во дворе и у подъезда
Успевает всё убрать?
Кто хозяин неизвестный?

Может быть, что домовой
Вместо утренней зарядки
Предрассветною порой
Для меня навёл порядки?

Нет! Конечно, это он,
Скромный дворник
незаметный.

Он одним из первых тон
Задаёт мне светлый!

Мы элита

(шутка)

Чай от фирмы
 «Дольче вита»
Пью с женой я завсегда.
Мне сказали, что элита
Чай такой пьёт иногда.

Ищем днём с огнём элиту,
Но никак мы не найдём...
Чашки доверху налиты –
Мы элита, мы вдвоём!

Дозор ведёт болонка

У соседа в доме – дог!
И красив, и мил он очень,
Но, забыв собачий долг,
Крепко спит и
 днём и ночью.

Слышим мы с недавних пор
Кто-то лает звонко-звонко.
Узнаём: теперь дозор
Славная ведёт болонка!

Не всегда составляют дуэт

Видеть мне довелось соловья.
Неказистым казался он с виду
И напомнил собой воробья.
Пусть мне оба простят за обиду.

Но недавно, встречая рассвет,
Соловьиное слушал я пенье –
Не всегда составляют дуэт
Красота и уменье...

Сорока

На берёзке, возле дома,
Птица снова на посту.
Нет нигде красы подобной:
Видно даже за версту.

Если честно – не скромна,
И воровка, говорят,
И что сплетница она,
Но как радует мой взгляд!

И не вижу я пороков
У красавицы сороки!

Митинг

Собак и кошек столько
я не видел сроду...
Запружены майдан
и профсоюзный сквер.
Косматый кот кричал:
«Свободу нам! Свободу!»
«А волонтеров геть!», –
выл старый двортерьер.

* * *

Любуюсь в саду я настурцией
И лебедем в нашем пруду...
Ты бредишь Египтом
и Турцией.
Но что ты имеешь в виду?..

* * *

Давно очарован я севером!
В полярных пейзажах мой дом.
Чукоткой любуюсь я в сервере.
И виски люблю я со льдом!

* * *

И вроде прошли перемены...
А прелести жизни – по чину.
Пью изредка кофе ячменный,
А хочется «Капучино».

* * *

«Вже котрий рік весна, на жаль, не та...»

Ігор Бережний

Верил я, что мне ку-ку
Слушать долго доведётся.
А теперь я не могу –
Вдруг кукушка ошибётся.

И среди раздольных трав
Мне в ромашковой купели,
Кажется, ещё вчера
Веселее птицы пели...

А я - не готов

Чего же мне больше
Досталось?
Не знаю – пеньков
Иль пинков...
Теперь вот
Явилась и старость,
А я – не готов!

* * *

Мне жизнь за уроком давала урок.
Не знаю я впрок иль не впрок.
Но всё-таки должен признаться –
Рассвет не могу я дожидаться...

В саду Никитском

В саду Никитском – красота./
Смотрю большой
 «Парад тюльпанов»,
Без лживых слов,
 без барабанов...
Сбылась моя мечта!

Безмозглый петух

Доносится снизу:

«безмозглая курица».

Эпитет соседа так режет мой слух.

Услышал весь дом, и услышала улица:

У нас объявился безмозглый петух.

Самый нормальный

Был очень изысканным

этот банкет:

И пей ты, и ешь –

что душа твоя хочет.

И в стельку напился

один там поэт...

Он самый нормальный –

из прочих...

Из письма

И было это, как вчера.
Свеча, вино – и всё так живо...
Цветёт ли белая герань,
Что мне так голову вскружила?

* * *

И один в поле воин.
И комар портит ночь.
Укус его так ноет,
Что невмочь...

* * *

Опять мне ничего не светит:
Пустая снова снилась луза...
И кто за это всё ответит?..
Вздыхнула Муза...

Мечта

Смотрел я, как ветер
с разбойничьим свистом
Листву беспощадно
с деревьев срывал.
В холодных потоках
озябшие листья
Прощальный творили
в саду карнавал.

Мне видеть бы солнце
и слушать бы лучше
Мелодии тихих осенних садов,
Но плыли над миром
свинцовые тучи,
И бури грозили вселенской бедой.

А мне тишины –
во всём белом свете!
Я жил и живу
с этой светлой мечтой.
Напрасно пытается
северный ветер
Сорвать на калине
последний листок!

Детям военного времени посвящается

Нам поможет Бог

Раскололась от осколков
Утром ранним тишина.
В сердце,
 будто бы иголкой,
Слово страшное – война!

И ушёл на фронт наш папа.
В хате мама, дед и мы.
Знаем – фрицы
 будут драпать!
Подождём-ка, до зимы...

Папа, милый,
 бей фашистов!
Жнём мы здесь
 под плёткой рожь.
Ты найди листочек чистый,
Напиши, когда придёшь.

Станем мы в широком поле
Ждать тебя у всех дорог.
Жить не будем мы в неволе,
Верим – нам поможет Бог!

У обелиска

Когда стою у обелиска,
И на граните – имена,
Грохочут пушки
 близко-близко.
Кому нужна
 была война?

И на моей
 родной сторонке,
В деревне,
 что среди лугов,
Хранятся память,
 похоронки
И много-много орденов.

В плену отец
 мой выжил чудом,
В том не было его вины.
Потом я часто
 слышать буду:
«Эх, если б
 не было войны!»

Погиб на фронте
 дед Никита.
Бойцам от милых
 письма вёз,
Но сердце
 миною разбито –
И дома море детских слёз!

Геройски пал
 мой дядя Миша
В неравной битве
 с вороньём.
И больно мне
 сегодня слышать:
«Былое поросло быльём...»

Когда стою у обелиска,
И на граните – имена,
Я голову склоняю низко.
Кому, зачем нужна война?

Утро

Громыхнуло раскатисто, резко.
Я спросонья подумал – война!
Дождь ночной
 по-весеннему резво
Барабанил по стёклам окна.
И под музыку ливня и грома
В полудрёме
 привиделось мне –
Далеко-далеко я от дома
Рядовым на проклятой войне.
Это я, на снегу замерзая,
Вспоминаю и дом, и село...
Ты бежишь
 мне навстречу, родная,
От объятий твоих мне тепло.
Это я, канонады не слыша,
Сжав винтовку, в атаку иду.
Всем смертям,
 что так яростно дышат,
Я назло уцелею в аду!
Отступила гроза, и святая
Наступила вокруг тишина.
Было утро девятого мая,
Но по мне прокатилась война!

Сон

Снился страшный
 недавно мне сон
Тихой ночью,
 без всякой причины.
На ладони последний патрон –
Небеса мне казались овчиной!

Умереть не от страха могу –
От обиды болезненно-горькой,
Что погибну на радость врагу,
Но сквозь сон слышу
 трели на зорьке!

И, проснувшись
 в холодном поту,
Подышать выхожу осторожно.
Как бы мне
 не спугнуть красоту?
Ненароком, но можно...

Расскажи мне, отец

Там чужая земля,
 раскалённые камни;
Вместо жизни прекрасной –
 одни миражи
В том пустынном краю.
 Что забыли там парни?
Мне об этом, отец,
 расскажи,
 расскажи...

Расскажи о боях,
 о жестоких душманах.
Почему и за что
 бились насмерть они?
Тосковал или нет
 ты по дому и маме,
И считал или нет
 ты до дембеля дни?

О товарищах верных
 прошу я поведать:
Настоящая дружба
 волнует меня...

Расскажи, что шептал
на скамейке ты деду,
За напрасные смерти
кого-то кляня.

Слышал я, что бойцов
полегло там немало.
Ты, наверно, рождён
под счастливой звездой,
И встречали тебя
и невеста, и мама.
Ты вернулся домой,
но, как лунь, был седой.

Там чужая земля,
раскалённые камни,
Вместо жизни прекрасной –
одни миражи
В том пустынном краю.
Что забыли там парни?
Мне об этом, отец,
расскажи,
расскажи...

Купить невозможно судьбу

Звонят: «Удирай от войны –
и быстрее!

Мы в складчину купим
покрепче избу».

А я отвечаю, хотя и растерян:
«Купить невозможно судьбу...»

Бог не выдаст – чёрт не съест

Живём,
 прислушиваясь к звукам
Мы каждый
 Божий день с утра.
Рванёт вдали –
 пусть даже глухо –
Ну всё – в дорогу нам пора!

Хотя мы и боимся смерти,
Бессилие страшной её.
Спасёмся ли
 опять от смерчей?
Вот то-то, братцы, и оно...

И мы готовим чемоданы,
Как наши предки узелки.
Путь предстоит
 в чужие страны?
Всем здоровым
 смыслам вопреки?
Вдруг слышим –
 голуби воркуют.
Нам послана Благая весть!
Мы вмиг пожитки распакуем,
И Бог не выдаст –
 чёрт не съест!

Я оживал

С тревогой острой прожита зима.

А сколько зим таких

терпеть придётся?

И я чуть было не сошёл с ума,

Но чувствую –

сильнее

сердце бьётся.

Взбодрили неожиданно меня

Грачей горланившая

в клёнах стая

И за околицею зелена,

Что вопреки всему

так дружно встали.

Я слушал тихий говор ручейка,

Бегущего резвясь

к речушке бурной,

И светлым радовался облакам,

Дремавшим в бесконечности

лазурной.

Я оживал благодаря весне,

На детство чистотой

кристальной схожей,

Забывлось даже бремя тяжких дней

И были

мир

и день погожий...

Боль

(печальный монолог)

Не осуждай меня, мой друг любезный,
Что не приехал в соловьиный край...
Я даже позабыл свои болезни,
Но к нам нежданная пришла пора.

Прошу тебя, в любых словах укоров
Ты не ищи – в душе моей их нет.
И вместо глупых бесконечных споров,
Давай взглянём в глубины наших лет.

Ты и отец повсюду были рядом:
Вернулся с фронта он слепым домой,
И детских игр затейливая радость
Тебя, мой друг, минула стороной.

Живым и мой отец остался, к счастью,
Но в нём, наверно, было много ран:
В самом себе он замыкался часто
И, хмурясь, за стаканом пил стакан...

Каким мерилom боль мою измерить,
Когда вновь дети под огнём прямым
И мирный город наш бомбили смерчи?
Чьим Судным днём
стал этот день зимы?..

Недавно побывал в родном я доме...
Уверен – вещей мой приятный сон.
Меня медвяный снова встретит донник
И окропит духмяною росой.

Николай Хандурин

Воробьиное счастье

...от его острого взора не скроется ничего, что могло бы ему быть полезным...

Альфред Брем «Жизнь животных»

Прошёл ливень, тёплый и долгий. Дождь глубоко промочил землю. Из-за тучи выглянуло солнце. Червяк выполз на тротуар и распластался на асфальте. Червяк не погреться хотел, а надеялся перебраться из тесного газона на другую сторону, где так много земли. И ещё он мечтал уползти подальше от шума автомобилей, бесконечно проезжавших по дороге.

Это был самый обыкновенный червяк, но длинный и толстый. Он больше всего любил тишину и был уверен в том, что там хорошо, где его нет. Поэтому он отправился в трудное и рискованное путешествие, хотя рисковать не любил, а трудностей боялся пуще огня.

Недалеко от червяка, на газоне, равнодушно щипал траву скворец. Что поделаешь, если другой, более вкусной пищи не нашлось. На скворца было любо-дорого смотреть. Иссиня-чёрное оперение ярко переливалось на солнце. Спина скворца, как небо звёздами, усыпана белёсыми крапинками. «Франт, да и только!» – подумал я, любуясь пернатым другом.

Скворец увидел жирного соседа, глазки у него загорелись, и аппетит разыгрался. Такое лакомство очень редко выползает наверх. Он быстро подбежал к червяку, потоптался вокруг него, принаравливаясь как бы лучше схватить эту вкусную живность своим маленьким клювом. Раз клюнул, два клюнул – и подцепил червяка. С трудом приподняв над землёй свою добычу, он повертел её из стороны в сторону. Хотя червяк не оказывал никакого сопротивления, скворец устал и, бросив непосильный груз, решил отдохнуть.

И в этот миг к червяку подлетел воробей. Даже не настоящий воробей, которого можно увидеть в любом дворе, а так себе, какой-то воробышко: неказистый, тщедушный и, пожалуй, втрое меньше скворца. И ни что у него празднично не сверкало и не переливалось.

Воробей проворно схватил червяка. Скворец, ошеломлённый неожиданной дерзостью, просто оторопел... Он остался с носом. Мне показалось, что веснушки у скворца на спине потускнели.

«Наглый воришка, вот почему тебя назвали воробьём, – подумал я и крикнул, – вора – бей!». Но счастливый воробей взлетел, держа в клюве во весь «рост» болтавшегося червяка, и скрылся из виду.

«Вот оно, воробьиное счастье», – подумал я, проводив взглядом воробья. Мне было жаль несчастного скворца, но, наверное, хуже всего быть червяком, пусть даже длинным и очень жирным. А

хорошо ли быть воробьём-наглецом или скворцом-ротозеем?

Историю о скворце, воробье и червяке я рассказал одному знакомому. Он улыбнулся и так убедительно сказал: «А знаете ли, Вы не о том думали, когда наблюдали за птицами. Надо было вспомнить народную мудрость: «Не родись красивым, а родись счастливым». Затем продолжил: «Хотя в этом случае больше, наверное, подходит поговорка: «Наглость – второе счастье».

Удивлённый такой начитанностью, я хотел напомнить ему одно из крылатых выражений: «Не всё коту масленица, будет и великий пост», но промолчал, вспомнив, что «слово – серебро, а молчание – золото»...

«Если по правде, то над Вашим рассказом надо думать», – сказал через несколько минут мой знакомый и куда-то заторопился...

И по сей день неизвестно – до чего он додумался...

15. 08. 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Спасибо, Мама
Степь цветастой полоской
Слово о маме
Зарубка
Отзовись мне, детство
Я брёл к началу
Потому я сед
Пригубил я зарю
В родной деревне...
Надо в Глухов
В Святогорье
Казённому Торцу
Переулок Тихий
Городская тишина
Пусть город мой не молодой
Руслана
Я спешу
На околице высотки
Не в шумном мегаполисе столичном
Тень давнины
Летаю в мечтах
Уступают мне место
Я известный
Мне легко
Радостнее радуг
Не посторонний
Чтобы летать

Открываю портал
Может черти накачали
Февраль
Февраль
Коротка тропинка
Бычок
Тополь
Контрасты
Успею догнать
Нравится мне Настя
Стереть память не смог
Мнимый возраст
Моя не запятнана честь
Ты ушла, ничего не оставив
В Эрмитаже
Не избранник
Незадача
Видит кое-кто
Он и она
Он и она
Решил я подарить любовь
Письмо
Одну бы мне минуту
Расставание
В театре
В театр купили мне билет
Я говорил о погоде
У пропасти разлуки
Неужели весна

Жизнь хороша
Хочу разозлиться
У друга – пальцы врастопырку
Сомкнут круг
А лучше ли двигаться вспять
Улыбку рассвета я увидал
По чьей вине
Мне жаль медведя
Театр не забыт
Жизни нет
Совы
Совы
Иду за строкой
Предаваться негоже тоске
Особенный взгляд
Кто-то потерял
Время слухи проверить
Непростое дело
Калина
Осенняя мечта
Лось
Когда шла осень...
Колючки
Судить не берусь
Пушкинская осень
В доме, что напротив
Спасибо
Свин
Мечта

И начал я театр с буфета
Весенний мотив
Я восхищён
Кому это надо
Личный взгляд
Дворнику
Электрик
Прости, наш герой
Мы элита
Не всегда составляют дуэт
Сорока
Поэты сумасшедшие
Другом быть отличным
К поэту
Митинг
В городе прошли перемены
А я - не готов
В саду Никитском
Народные деньги
Золотые гривны
Безмозглый петух
Самый нормальный
Из письма
В стеклянной вазе
Мечта
Нам поможет Бог
У обелиска
Утро
Сон

Расскажи мне, отец
Потоп
Купить невозможно судьбу
Твоими молитвами, Мама, живу
Близкая тема
Бог не выдаст
Я оживал
Боль
Воробьиное счастье

Літературно-художнє видання

Микола Хандурін

ПЕРЕПЕЛИНИЙ БЛАГОВІСТ

Вірші та проза
(Рос. мовою)

Формат 60x84/32. Ум. друк. арк. 2,1. Тираж 100 пр. Зам. 05/21.

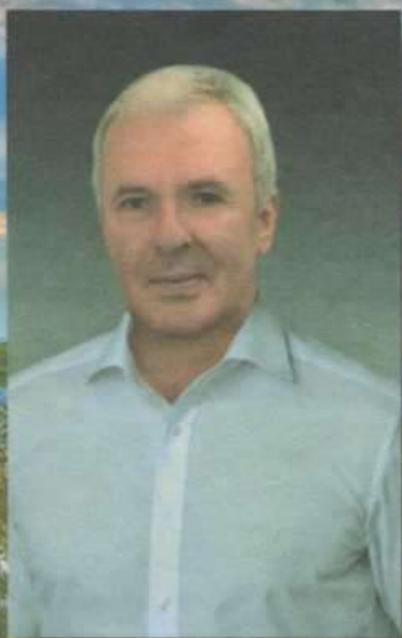
Видавець, виготовлювач і розповсюджувач ТОВ «Тіраж-51»

вул. О. Тихого 10/4, м. Краматорськ, 84313,

тел.: (06264) 56-0-46, 56-1-07, факс: (0626) 44-28-31

e-mail: oootirag51@gmail.com

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4789 від 18.11.2014 р.

**Книга посвящается моим
родным и неравнодушным к
поэтическому слову друзьям...**

Николай Хандурин